

КНИГА-СБОРНИК
НЕПРИДУМАННЫХ
ИСТОРИЙ

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

Екатерина Селивёрстова

**Перед рассветом. Книга-
сборник непридуманных историй**

«Издательские решения»

Селивёрстова Е.

Перед рассветом. Книга-сборник непридуманных историй /
Е. Селивёрстова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930254-0

Самый темный час бывает перед рассветом. В нашей жизни порой происходят события, когда кажется, что рассвет уже не наступит, и хочется сдаться. Как важно, чтобы в этот момент оказался кто-то, кто мог бы помочь, поддержать, дать надежду. Авторы сборника поделились жизненными историями, рассказав о своих рассветах, надеясь на то, что наш сборник сможет оказаться для кого-то именно такой поддержкой.

ISBN 978-5-44-930254-0

© Селивёрстова Е.
© Издательские решения

Содержание

ПЕРЕД РАССВЕТОМ	6
Книга-сборник	7
Наталья Лукьянова	9
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ	15
ПЕРВОЕ ЖИЛЬЕ – НОГИНСК	16
VIBEL	18
2008 г. Реутово	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Перед рассветом

Книга-сборник непридуманных историй

Авторы: Селивёрстова Екатерина, Лукьянова Наталья, Кантинова Наталия, Орлова Олеся, Дель Татьяна, Володина Татьяна, Углева Светлана, Купер Дмитрий, Пшеницына Светлана, Иванова Ольга, Гордеева Лариса, Никитина Ольга, Разинкова Анна, Григорьева Ирина

- © Екатерина Селивёрстова, 2018
- © Наталья Лукьянова, 2018
- © Наталия Кантинова, 2018
- © Олеся Орлова, 2018
- © Татьяна Дель, 2018
- © Татьяна Володина, 2018
- © Светлана Углева, 2018
- © Дмитрий Купер, 2018
- © Светлана Пшеницына, 2018
- © Ольга Иванова, 2018
- © Лариса Гордеева, 2018
- © Ольга Никитина, 2018
- © Анна Разинкова, 2018
- © Ирина Григорьева, 2018

ISBN 978-5-4493-0254-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Книга-сборник непридуманных историй Самый темный час – перед рассветом (вместо предисловия)

В жизни любого человека наступает момент, когда над головой словно сгущаются тучи, когда судьба, высшие силы или, напротив, силы черные нарушают наши планы и проверяют на прочность, иногда довольно жестко. Возникают проблемы, которые, кажется, сильнее нас. Случается нежданная беда, ломающая привычный миропорядок и переворачивающая все с ног на голову. Болезни, увечья, смерти, банкротства, предательства, катастрофы, измены любимых, потери...

И в такие моменты у каждого хоть на минуту, хоть на миг возникают мысли: «За что мне такое? Почему я? Что мне делать теперь? Справлюсь ли я?»

Как важно, чтобы рядом оказался человек, способный оказать поддержку и помощь, протянуть руку, подставить плечо, встать рядом, одним фронтом.

Как важно, чтобы где-то в глубине души нашлись силы пройти через испытания, не сломаться, выстоять и продолжить жить, несмотря ни на что.

Как важно, чтобы то, что нас не убивает, делало нас сильнее, а не калечило на всю жизнь...

Сборник непридуманных историй «*Перед рассветом*» – это плод работы «неоднородного» авторского состава, где бок о бок трудились люди разного возраста, профессии, образования, взглядов на жизнь и убеждений. У каждого автора своя судьба, свой жизненный опыт, свои пройденные рубежи и сделанные выводы, а потому и рассказы вышли такими разными.

В сборнике вы найдете:

- исповедь женщины, победившей тяжелую болезнь и построившей на ее осколках новую, еще более счастливую жизнь;
- историю женщины, доверившейся своей интуиции и внутреннему Я, не предавшей себя и получившей в награду жизнь самого родного человека на свете – своего малыша;
- горькое и одновременно с тем оптимистическое повествование о жизни женщины, победившей тягу к алкоголю;
- очень личную, но знакомую многим историю о созависимости, ломке старых сценариев и собственной ценности;
- глубокое и эмоциональное обращение мужчины, нашедшего свой взгляд на причины дорожно-транспортных происшествий;
- красивую и правдивую сказку о любви, которая находит людей, где бы они ни были;
- вдохновляющее жизнеописание одной отдельно взятой семьи, привыкшей не сдаваться под ударами судьбы и выходить из каждого боя победителями;
- простую историю о девушке, двинувшейся навстречу своей удаче и получившей в награду себя саму – в перспективе;
- пробирающий до глубины души опыт преодоления горя от потери любимого человека и выхода из него в счастливую жизнь;
- необычную и немного экзотическую быль о том, как иногда любовь маскируется под ненависть, но все равно остается любовью;

- «сказание» о том, как рождение и воспитание особенного ребенка может быть не наказанием, а наградой;
- невероятную, но правдивую хронику долгого пути к собственной Душе;
- теплый и искренний очерк о чудесных изменениях в жизни, пришедших в результате небольших, но направленных в нужную сторону усилий;
- трогательную историю о том, как искренний поступок может не только спасти жизнь человека, но и совершенно изменить судьбу того, кто этот поступок совершил;
- сказку-быль о том, как верящий в себя мужчина, рядом с которым есть любящая и верная женщина, способен победить весь мир и даже себя самого;
- нежную и волнительную историю о праве на любовь и счастье женщины, уже не ожидающей этого.

Все эти разношерстные истории объединяет одна, главная и самая важная идея: как бы страшно и темно ни было, как бы ни пугали нас призраки прошлого, демоны ночи, боль и страх, рано или поздно наступает рассвет! И все случается так, как нужно, проблемы рассеиваются, словно тьма, уходя в небытие... Нужно только не опускать руки.

Пусть судьбы наших героев вдохновляют вас и помогают найти ваши собственные силы.

Наталья Лукьянова

ПОКОРЕНИЕ МОСКВЫ

(из книги-биографии «Исповедь белой вороны»)

Я ехала в Москву.

Со мной было мало вещей: всего один чемодан на колесиках (выбран был специально, чтобы было удобно перемещаться по эскалаторам и переходам московского метро, пока я буду добираться до съемной квартиры дочери), да собственно женской сумки, что носится на манер почтальонов – – через плечо. Эта сумочка, при кажущейся незначительности размеров, выглядела пухлой и весила изрядно. К вечеру на плече бывала красная полоска там, где был ремешок сумки. Здесь были самые важные вещи: паспорт и розовая справка об инвалидности (которую мне предстоит продлить в местном онко-стационаре), телефон, минимальный набор косметики, книжка для коротания утомительных часов в дороге и еще непонятно, что—раз аксессуар был так тяжел.

Возле двери купе, на крючке висело пальто и широкий палантин на случай похолоданий. Воздух за окном становился к вечеру свежее, и щели в старой раме вагонного окна пропускали его внутрь купе. Вот друг-палантин и пригодился, можно было закутаться в него и посидеть еще немного, прежде чем лечь спать.

Стекло окна было закопчено паровозной пылью. Похоже, проводницы уже прекратили попытки отмывать их: все равно через полчаса они приняли бы такой же сизый оттенок. Зато чай предложили сразу же и разносили по купе, весело звякая ложечками о края подстаканников – поразительно сохранившаяся сквозь века традиция, скорее, даже ритуал, без которого дорога была бы иной. Желтый кружок лимона покачивался в каждом стакане, а белые кубики сахара лежали на блюде, в полной готовности нырнуть под лимончик и сделать напиток более ароматным.

Дорога неизменно вносит свой акцент на твою реальность. Вот взять, хотя бы, меня: еще совсем недавно я была уверена, что крепко стою корнями в жизни, но события изменились и теперь я оторвана от привычного мира, его забот и надежд – они остаются в прошлом. А что будет впереди, как это сложится, было больше похоже на затуманенное стекло вагонного окна.

Мир отстукивал километры между мной и городом, с которым меня связывали 30 лет жизни, за окном мелькали деревья, столбы и полустанки. Жизнь уносила прошлое, предлагая забвение, но вместе с этим открывала пространство для будущего. Последняя мысль вдохновила меня, и я предалась воспоминаниям. Потому что заглядывать в будущее не решалась, смиренно предоставив это право судьбе. Как будет, так и будет – вот установка, которая была высечена мной на экране сознания.

В животе неприятно зашевелился страх или голод, я не могла сейчас их отличить, потому решила сделать перерыв в размышлениях и вышла в коридор. Тут можно было размять ноги, пройдясь по ковровой дорожке, заботливо застеленной длинным белым полотенцем с синей полосочкой по краям. Очевидно, забота проявлялась о самой дорожке: чтобы наши пассажирские ноги не так сильно пачкали дорожную собственность железной дороги. И еще в этом некогда белом, изрядно затоптанном, и оттого, скорее, сером, полотенце, читалась забота и о проводницах: им меньше хлопот с уборкой. И то сказать: просто скатать полотенце в рулончик и сдать в стирку, а по вагону протянуть из конца в конец новый рулончик.

Я восхитилась чьей-то предприимчивости, экономившей время и средства. Больше объектов, заслуживающих моего внимания, в обозримой протяженности вагона, не наблюдалось: странным образом, все пассажиры одновременно скрылись в своих купе. Судя по стуку ложек в стаканах, шелесту разворачиваемой фольги, обнажающей курицу и хрусту нарезаемых ово-

щей, наступало время обеда. Коридор наполнился ароматами домашних припасов и гомонов голосов.

Я не люблю делать все «как все», предпочитая жить в своем ритме, хотя бы в тех вещах, которые доступны моему планированию. Ну, уж по части времени обеда я точно могу поступить «не как все». Улыбнулась собственной дерзости, которую точно не одобрил бы отец. Мысленно сказала ему: «Прости, но мне так удобнее» и, опустив пониже створку окна, принялась рассматривать весь состав, который к этому времени делал поворот на трассе.

Я увидела первый вагон и паровоз, с черной кудрявой шевелюрой дыма, которая разрывалась потоками воздуха и таяла в неизвестности. Удалось увидеть и хвост состава: последний вагон переваливался с бока на бок, пытаясь попасть в ритм с остальной вереницей собратьев, но ему это плохо удавалось. Мелькнула мысль: насколько, должно быть, там трудно выпить чаю. И еще: какая я молодец, что выбрала место в середине состава.

Один обрывок черного дыма больно хлестнул по лицу, вызвав удушливый кашель. Это явно был намек, чтобы прекратить такие «наблюдалки», тем более, известны случаи, когда из окна впереди идущего вагона может прилететь что-то еще более опасное.

Голос за спиной вернул меня в реальность нашего вагона:

– Скажите, а вы сейчас будете обедать? А то мы хотели пока занять ваше место на нижней полке, чтобы перекусить, вы не возражаете?

Добродушный отец семейства, толстяк Петрович (так он представился сразу, как только расположились на посадку) улыбался приветливо.

– Конечно, никаких проблем, пообедайте, приятного аппетита. – Я улыбнулась в ответ.

Как раз в это время мы подъехали к очередной станции и можно было выйти на свежий воздух. У выхода толпились желающие покурить на улице, а снаружи кричали местные предприимчивые продавцы всякой снеди: от домашних пирожков, наборов вторых блюд (картошка, котлета и лучок, бережно обернутые пленкой), до копченой рыбы и соленых огурчиков. Конечно же, широкий выбор пива, воды и сигарет.

Подолы почувствовали приятную твердь земли, которая не качалась, но внутри тела покачивание еще жило, отчего голова слегка кружилась. Я решила пройтись вдоль состава, решив, что не буду торопиться, и если будет гудок на посадку, я запрыгну в ближайший вагон, а там уже перейду в свой, устроив себе еще одно мини-путешествие.

Но пройтись по вагонам в этот раз не удалось: стоянка затянулась, и я успела пройтись туда и обратно, вернувшись к своему вагону. В окно нашего купе весело махал рукой Петрович, давая понять, что их семейный обед закончен, и я тоже могу пообедать. Я решила попробовать теплой картошки, обрадовав бабульку в чистом фартуке и белых нарукавниках.

– Ешь, голубушка, у меня все свое, натуральное, – приговаривала она, засовывая сторублевку в карман юбки под фартуком.

Было что-то в ее облике родное. Я не сразу уловила, но потом резко закололо в груди: она была похожа на мою бабулю Марусю. Бывало, вот так же копошилась у печки, доставая длинным ухватом чугунок с кашей или топленым молоком, покрытым золотистой пенкой с коричневыми кружевами по краям.

– А не хочешь ли, случаем, молочка топленого? С картошечкой будет в самый раз, у меня вот поллитровочка одна осталась. И бабуля извлекла из корзинки банку, подтверждая достоверность рекламы.

– Только уж не обессудь: крышку не оставлю, у меня с ними прям беда – не напасешься. А тебе, поди, в дороге она без надобности». – И ловкие, натруженные руки с синими выпуклыми жилками и узловатыми пальцами уже приготовились снять крышку.

– Так что, берешь молочко, голубушка? – Загорелое лицо в лучиках морщин, разбегающихся от глаз, уголка рта и на лбу, замерло на вопросе, скрывающем надежду.

– Возьми, уважь: тяжело обратно тащить. – Бабулька заглядывала мне в глаза, ожидая ответную реакцию.

А я просто оторопела от такого сходства, которое становилось очевиднее с каждой минутой. Да я готова была купить у нее все что угодно, за эти мгновения, скользнувшие прямо на перрон из моего детства.

– Конечно, я беру, давно не пила настоящего топленого молока. Оно у вас с пенкой?

– А то, как же, знаю, что самое ценное в топленом молоке – она самая, пенка, вот она, родимая... – Бабулька принялась щебетать еще более оживленно, предвкушая, что тяжелая банка теперь будет обменяна на легкую и приятную бумажную денежку.

Тут раздался свисток машиниста, пассажиры засуетились, проводники закричали, созывая своих отдыхающих по вагонам. Бабулька благодарила и желала хорошей дороги, и потом еще постояла напротив окна, выхватив глазами мой силуэт и радостно махала, пока поезд не отъехал от станции.

Я махала ей в ответ, а слезы капали на ту самую пенку: слегка сморщенную от жара печки – совсем, как у бабуся...

Сквозь слезы мелькали воспоминания...

Еще год назад я была поглощена привычными и приятными мыслями и заботами, работая в перспективном отделе рекламы самого сильного завода концерна КамАЗ. Все было замечательно. Я не жила, я порхала и наслаждалась предвкушением поездки в столицу. Передо мной было целых две масштабных цели: поселиться ближе к дочери с внучкой и, по возможности, помогать им. Вторая цель: применить весь накопленный багаж знаний и опыта. Как-никак 30 лет старалась, уже было, чем гордиться.

Совершенно безобидная процедура ежегодного медосмотра не предвещала ничего особенного. Мы стайками передвигались из кабинета в кабинет, получая привычные подписи врачей. Но в кабинете гинеколога врач озадаченно поинтересовалась: «У вас есть кто-то дома? Вам нужно собрать вещи и срочно в больницу».

Это было удивительно: ведь у меня ничего не болело... Ну, рос немного живот, я считала, что от сытой жизни. А то, что рос он странно: в одном месте и уже выглядел, как бугорок, я на фоне общей жизненной радости просто не замечала.

Но слова и озадаченный вид доктора возымели действие: я напряглась и отправилась в стационар, где меня успокоили: пока это подозрение на опухоль, а она может быть доброкачественной. Но чтобы не запускать процесс, нужно ее удалить.

Это было сказано так спокойно, обыденно, что я восприняла сообщение, как визит к стоматологу для удаления зуба. Я даже шутила перед операцией: нельзя ли попутно удалить и жир с живота...

Воспоминания из реанимации обрывочны, запомнилась эйфория и легкость, пока действовал наркоз и сильнейшие боли, когда он отходил. Теперь я знаю, что такое «ломка» у наркоманов. Первые два дня, пока нельзя было вставать, со мной сидела дочка, которая специально приехала из Казани (хорошо, в институте у нее были каникулы). А потом уже заставляют ходить, чтобы было движение. Было странное ощущение: ватные ноги не слушаются, в животе сильные боли, одной рукой держишься за стенку, второй рукой держишь повязку и трубки катетеров.

Преодолевать по несколько метров было непривычно трудно, но зато возвращалось ощущение реальности своего тела и чувство маленькой гордости за свою победу. Так проходили положенные после операции дни для восстановления. На 10-й день приходили результаты биопсии, они были решающими, они сообщали: подтвердилась опухоль доброкачественная или уже онкологическая.

Этот день останется в памяти навсегда: теплый июльский день, наш хирург делает обход и сообщает каждой ее дальнейшую судьбу. С замиранием и радостью слушаешь вожделенные, сказанные пока не тебе, слова «Вы – на выписку, не забудьте забрать больничный лист у старшей сестры».

И когда очередь доходит до меня, услышав тихое: «А Вы остаетесь, продолжим лечение»...

в один момент мир изменился: предметы и люди скрылись в тумане, звуки полностью исчезли.

Я оцепенела. Внутри орал чей-то истошный голос: «Этого не может быть! Это не про меня!»

Но рядом глухим колокольным погребальным набатом звучало едкое слово «онкология»!..

Прожив 10 дней в онкологическом стационаре, охочие до вразумления новеньких, старожилы быстро тебя всему обучат. Так и я уже знала, что «лечение» и означает, что опухоль подтвердила свою смертельную злокачественность.

На улице торжествовало лето, щедро рассыпая свои дары: тепло, листва, гомон птиц. Распахнутое окно, возле которого я лежала, стало импровизированной сценой иного мира. Того, который я могла помнить, но он уже не принадлежал мне.

Я изменилась, и мир для меня не мог быть прежним.

Я искала взглядом, за что зацепиться. На ветке напротив сидел воробей: радостно чирикал и топоришил перышки, судя по всему, прихорашивался.

А мне теперь некуда прихорашиваться... грустная мысль тут же наполнила глаза слезами жалости к себе, а последствия были мне хорошо известны.

Пришлось включать «самоспасение»: искать что-то более позитивное. Вспомнились симоронские практики, начала повторять про себя, как молитву: «Я – та, что сидит на ветке. Я – та ветка, что растет из дерева. Я – то дерево, что зеленеет листвой». Эта игра в каламбур отвлекла и снизила остроту трагизма.

После выхода из ступора у меня начался приступ злости, и я начала метаться в поисках другого онколога, чтобы пересмотрели диагноз.

Мне казалось, что это ошибка! Со мной такого не могло случиться!

Я подняла на ноги все возможные связи, и онколог был найден. Но диагноз не изменился...

Нужно было готовиться к адской процедуре химиотерапии (сознательное отравление организма, чтобы выжечь раковые клетки, но попутно и здоровые).

Благодаря моей способности налаживать контакты, за 10 дней «до дня X» я перезнакомилась со всеми медсестрами и сумела расположить к себе даже старшую сестру, потому химиотерапию со мной она проводила лично.

Длится это 5—6 часов, в вену тебе вливается до 3 литров всякой гадости, организм сопротивляется и начинается сильнейшая рвота.

Потом месяц ты отдыхаешь, и все повторяется заново.

Таких курсов нужно пройти минимум шесть.

И снова анализ на биопсию, чтобы увидеть динамику, если она есть... В моем случае хватило шести курсов.

Потом шло наблюдение на группе инвалидности.

Щадящий режим жизни и питания, абсолютное исключение волнений.

Словом, перемещение в разряд инвалидов.

Я чувствовала себя вычеркнутой из жизни.

Конечно, огромная поддержка в этот момент была со стороны близких: мужа, сестры Гали с ее мужем, моих детей, мамы.

Теперь я опиралась на их заботу, но в то же время чувствовала себя иждивенцем, ведь до сих пор это я поддерживала всех. Чувство вынужденной беспомощности росло.

Ведь когда на пике карьеры ты падаешь на землю с диагнозом онкология, проводишь полгода на химиотерапии и получаешь страшную розовую справку об инвалидности, запрещающей тебе работать, поневоле начнут приходить мысли о неизбежном конце. Тем более, в больнице, куда я теперь должна была ложиться каждый месяц, я видела, как смерть забирает людей без скидок на возраст: косит и старых, и молодых. А я в этой очереди была совсем не молодой.

Я честно пыталась жить с этим диагнозом.

Даже спорила с комиссией, просила выдать мне другую справку, дающую право работать, но мне отказали.

Потом я проявила недюжинную активность, чтобы организовать в квартире капитальный ремонт, да еще с оформлением документов на перепланировку. Честно прошла через все инстанции и получила разрешение. Муж занимался уже грязной строительной частью.

Ремонт был сделан, квартирка ожила.

А я – нет.

Я по-прежнему ощущала себя биороботом, в котором выжжены все провода—чувства.

Я использовала остатки связей и устроилась работать в детский центр, что был в соседнем доме. Это можно было считать редкостной удачей: не нужно добираться транспортом, а выйти из дома за 5 минут до начала рабочего дня—о таком мечтают тысячи, но радость не поселилась в душе.

И сама работа – среди детского шума и радости, праздников и творчества—все то, что я очень любила ранее и о чем могла бы только мечтать, перестали вдохновлять меня.

Я почувствовала себя лишней на этом празднике жизни и покинула мир детства.

Хотя напоследок я организовала себе праздник- с размахом отметила 50-летний юбилей в стенах этого детского центра.

И опять ушла «в никуда»...

Еще какое-то время продолжала «трепыхаться» и суежилась, втискивая себя в прежнее течение жизни.

Я даже улыбалась, пытаюсь вспомнить состояние, следующее за улыбкой, но память молчала. Ее, видимо, тоже выжгли препараты химиотерапии.

И теперь там прорастал страх безысходности.

И все же я сделала еще одну попытку – перейти под крыло знакомого бизнесмена и заняться у него организацией нового направления в бизнесе: подбирать персонал, проводить собеседования и тренинги, заниматься рекламой. Было увлекательно. Так сообщал мне ум.

А душа молчала.

И это было тоскливо.

Это была не я.

Я – та, которая была прежде, созданная из разных кусочков событий, в которой жила яркая душа, уже умерла. А без души жить я не умела.

И тогда я увидела ближайшую перспективу: свою могилку за убогим забором (что за дикие нравы в нашей культуре – мелькнула мысль) и страшно возмутилась. Ура! Это была первая эмоция за последнее время. И пусть она была не радостной, но она была яркой. Я знала, что возмущение может быть обратной стороной радости, нужно только постараться.

Ухватила я возмущение видом собственной могилки и тут понеслось. Вспыхнуло яркое ЖЕЛАНИЕ, наконец-то! Желание, вполне конкретно оформленное в цель: уж если мне суждено умереть (а от онкологии большинство умирают – такая была необоснованная статистика в моей голове), то я хочу быть похороненной в Москве.

Только так, а не иначе. Дерзко, правда?

Ведь чтобы осуществить эту затею, нужно было иметь московскую прописку, а для этого необходимо занять там жилплощадь.

А как это сделать? Правильно – продать то, что мы сейчас имеем: 3-комнатную квартиру в самом центре города, престижный район. Для обывателя, всю жизнь стремившегося к подобному положению, это показалось бы абсурдным, ведь в Москве мы смогли бы купить не больше комнаты.

Настолько дерзко, что когда я сообщила эту идею мужу, он опешил, но с умирающими ведь не принято спорить.

Никто из многочисленной родни и не спорил со мной, правда, пытались убедить поехать, пожить, посмотреть, «притереться». Но я не соглашалась на полумеры, убедив себя и убеждая родню, что могу не успеть. И все замолкали, не зная, что возразить.

Желание было такой невиданной для меня силы, что я была похожа на одержимого человека.

Я находилась в состоянии между двумя страхами: страхом смерти, который сама же в себе разжигала, как стимул для движения к цели, и страхом неизвестности на новом месте.

Но вместе со вторым страхом загоралась ярким огнем радость перемен, вера в то, что хуже не будет, будет только лучше.

Было страшно подумать, как я буду справляться, если муж откажется ехать со мной, решит остаться, поддавшись убеждениям своей матери и прочным связям.

Я уже привыкла, что он всегда рядом, он—надежная защита и опора в большом и малом. Но невероятной силы убежденность, что все будет хорошо, сметала мой страх.

На мое счастье, муж согласился. Это было первым сигналом верности моего решения. Решение принято. Я еду в один конец, не давая страху лазейку: «если не получится – вернешься в привычное болотце».

Итак, на 51-м году своей яркой жизни, я ехала в Москву. Покорять или покоряться? Там видно будет, повторяла я себе фразу под одобрительный стук колес.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ

Пейзаж за окнами вагона постепенно менялся. Маленькие городишки, мелькавшие быстро, как в ускоренном фильме, начали «подрастать»: все чаще встречались новостройки, больше фонарей и гирлянд в оформлении. Это столица «пускала корни» в пригород, в область.

Заметно уплотнялись автомашинами дороги, напоминая бурлящий поток, втекающий в ту желанную реку – Москву. Уже были видны заторы, знаменитые московские «пробки».

Одновременно расширялись магистрали, накручивались транспортные узлы и развязки, появлялись высотные здания.

И вот мы подъезжаем к платформе Казанского вокзала. Все воспринимается иначе, ведь теперь я прибыла не в качестве гостя, как было ранее, а уже официального жителя столицы (хотя этого статуса у меня еще не было, но отчего-то я совсем не сомневалась).

Ах, этот провинциальный оптимизм... в моем случае это было особенно специфично, ведь далеко не юная дева.

Я смотрела на город моей мечты, который отверг меня в 16 лет, и теперь я пришла к нему окончательно, навсегда. Я так решила и была довольна своим решением.

Было состояние «возвращение блудной дочери», отчаянно желающей быть принятой и прощенной.

Я всматривалась, вслушивалась в город, где я проведу последнюю и лучшую часть своей жизни. Я так решила, отправившись сюда. Меня поразило, что при всем блеске соборов и высоток, суете людей и машин, он не вызывал во мне трепета, как музей. Я видела его родным – созданным для жизни в труде и отдыхе.

И хотя закон «Москва слезам не верит» действовал жестко, но он был еще и городом массы возможностей. И отчего-то я была уверена, что здесь найдется место и для меня.

ПЕРВОЕ ЖИЛЬЕ – НОГИНСК

Наших средств хватило только на плохонькую 1-комнатную в далеком Подмоскowie – в Ногинске. Муж привез наши скромные пожитки, и мы начали жить: каждый день ездили на электричке или на автобусе в Москву, еще я встала на учет в онкодиспансер, получала пенсию, маленькую – 2 тысячи, но все же поддержка.

И начались хождения в поисках работы.

Увидела я как-то объявление в метро: Академия Натальи Нестеровой, в составе которой был Институт благородных девиц! Меня это, конечно, сразу зацепило, и я позвонила в дирекцию, рассказала о своем опыте создания аналогичных курсов. На удивление, мой рассказ произвел впечатление, меня пригласили выступить на педсовете с презентацией программы.

Я выступила перед уставшими, ничем не интересующимися московскими педагогами. Только директриса слушала меня восторженно и все сокрушалась: «Ну, где же Вы раньше были! У меня все часы расписаны...»

А я, в принципе, и не хотела у них работать, мне просто было интересно, насколько я смогу произвести впечатление и насколько актуальна моя тема. Я своей цели достигла и была вполне довольна собой.

Каково же было мое удивление, когда через пару дней мне позвонила радостная директриса и сообщила, что она там что-то передвинула, и для меня освободились часы, так что меня ждут. Жертва ради меня была слишком велика, и я не могла отказать им. Начала я свое первое занятие с прямого вопроса к девочкам, как они понимают выражение «благородные» девицы? Как я и предполагала, они даже не задумывались, считая, что название просто взяли из царских времен периода «благородных пансионеров». Я же дала им более духовное понимание, разделив слова на две составляющих: Благо – т.е. та полезность, которую ты можешь создать и принести ее родным и близким, т.е. в Родство.

И вот, сразу после моего первого занятия меня пригласили в учебную часть, и завуч ласковым голосом попросила придерживаться академической программы психологии для старших классов школ... Пошла я в магазин, купила эти учебники, глянула туда – такая скукоптица!!!

Ну, прямо душу сворачивает! Не могла я себя заставить эту фигню впихивать в мозги этих переростков, потому отказалась от преподавания. Да и узнав подробнее программу этого Института благородных девиц под патронажем фонда Горбачева, я поняла, что все это фикция, сплошная показуха, и кроме уроков по этикету и танцев для Венского бала – больше им ничего не дают – курс обычной школы. А это мне совсем не интересно было.

И тогда я набралась смелости и отказалась работать в этом заведении.

Расставание было не радостным, но спокойным – главное, я вновь обрела свободу. Удивительным было то, что на следующий учебный год они мне все равно позвонили и пригласили снова преподавать, но тут уж я категорически отказалась.

Моя «лебединая песня» —это работа в Сервис-парке. И начиналось все очень оригинально. В поисках какой-то необычной и очень интересной работы, совершенно не представляя, что бы это могло быть, я регулярно просматривала справочник «Работа и зарплата» и вдруг на одной из страниц вижу странное объявление: «Требуются дизайнеры (возможно обучение)».

В такой формулировке уже была заложена интрига: если набирают дизайнеров, то чему их еще можно обучать? Значит, берут студентов, которым можно меньше платить, а уже доучивать будут на месте. Так решила я, и подумала, что вот тут мне есть что предложить! Позвонила и договорилась о встрече в кадровом агентстве, занимавшемся подбором этих вакансий.

Когда я туда появилась, я сразу сообщила, что никаким образом не подхожу под указанную вакансию, но я неплохо разбираюсь в детской психологии и имею собственное мнение в области психологии интерьера и мне хотелось бы это опробовать в реальных интерьерах.

На мое удивление, хозяйка кадрового агентства невероятно обрадовалась: «Ну, наконец-то! Я же им говорила, что им нужен психолог, который разбирается в интерьерах! Просто у меня не было такого человека. Я непременно должна Вас показать хозяевам студии!»

Приезжайте, я Вас в графике собеседований арт-директора (она же – жена директора студии), поставлю самой первой, пока она еще внимательно слушает кандидатов. Что из этого получится, я не знаю, тут уж от вашего красноречия все будет зависеть».

Итак, «картина маслом»: сидит в холле группа молодых дизайнеров с папками своих проектов и эскизов, и среди них я – тетя пятидесяти лет с пустыми руками, но блеском в глазах.

На собеседование каждого кандидата отпускалось по 15 минут. Я вошла. На меня смотрели удивительно мудрые и столь же усталые глаза изящной женщины – Аллы Дмитриевны. Я начала рассказывать о том, что знаю, как вижу психологический аспект в дизайне интерьера... арт-директор слушает меня 15 минут, 30, 45... и потом задумчиво говорит: «Удивительно! Я работаю в этой области более 10 лет, мне казалось, что я все здесь знаю, и я поражена, что может быть такой необычный и оригинальный взгляд на тему! Но—звучит пауза— я совершенно не представляю, КАК это можно применить в нашей практике? Впрочем, давайте, вы проведете семинар в нашем новом открывающемся салоне, а там посмотрим...»

Москва благосклонно (скорее – снисходительно) позволила мне показать себя.

Я была счастлива этой возможностью.

VIBEL

И вот я попала в мир французских детских интерьеров Vibel. Я была поражена, потрясена этим миром ярких красок! На фоне привычных бежево-коричневых или черно-белых мебельных гарнитуров, заполонивших все магазины страны, этот салон был ярким оазисом красок и радости, той самой сказкой, о которой я мечтала, представляя мир детства!

Я была счастлива уже тем, что я просто попала в этот мир! Я не думала о будущем, я совершенно не знала перспектив, но я была абсолютно счастлива «здесь и сейчас»!

Мне щедро разрешили провести семинар в 3 дня по 2—3 часа, и это тоже мне казалось подарком. От счастья я «обрушила» на слушателей все море информации, которым я владела на тот момент: и по детской психологии, и по цвету, цветотерпии, звукам, запахам, рисункам и фактурам...

Судя по тому, что на семинаре присутствовали сами хозяева компании (арт-директор А.Д. и гендиректор А.М), я поняла, что моя интрига удалась. Правда, я видела, что молодым дизайнерам моя информация была тяжелой (ведь их только что загрузили сложными программами по конструированию и расчетам), но я просто щедро отдавала информацию.

Впечатление произвести удалось, и мне даже щедро (по тем временам) заплатили.

Но потом наступила тишина. А я за время пребывания уже влюбилась в этот мир...

И в ситуации такой неопределенности, будучи практически никем для этой компании (просто обаятельным и эрудированным человеком), я стала просто приходить в этот салон и отдыхать, наслаждаясь буйством красок, форм, рисунков и удивительной концепцией, созданной для детей.

И тогда постепенно у меня родилась идея, которая затем оформилась в реальное предложение для гендиректора. В подготовке презентации своего «продукта» мне помог мой опыт работы в бюджетной сфере: я четко рассчитала «интерес» компании и столь же четко показала преимущества моего присутствия в общей концепции.

А заключалось все в следующем: я предложила составлять к каждому дизайнпроекту индивидуальное описание преимуществ данного проекта, но не с позиции компании-проектировщика, а с позиции заказчика.

Проще говоря, я детально описывала проект, показывая, какую пользу принесет ребенку наличие в его пространстве именно этой модульной мебели, как эта мебель будет помогать развивать у ребенка те или иные личностные качества.

При такой подаче, дизайн-проект становился индивидуальным не на словах, а уже «документально». Все это позволяло повысить репутацию компании (а значит, ее конкурентные преимущества), а также повышало лояльность потребителей и рост повторных заказов.

Презентация прошла успешно, я была убедительной.

И хотя шансов было ничтожно мало, судьба вновь улыбнулась, и меня взяли в штат: теперь я начала писать комментарии к проектам с детским восторгом и одержимостью провинциалки.

Жизнь потихоньку стабилизировалась, я наслаждалась процессом, принимала участие в масштабных тренингах повышения квалификации дизайнеров региональных магазинов, кругом были только положительные отзывы.

А судьба снова подарила мне улыбку: внезапно в салоне увольняется администратор, которая работала с самого основания салона. Нужно было срочно искать замену, но на время поисков нужно было кого-то назначить. А тут «я прохожу мимо» и руководство вспоминает, что у меня есть опыт работы администратором в дизайнерском салоне. Мне предлагают занять эту должность.

Немного посомневавшись (все же многое незнакомо и очень тревожно иметь дело с наличными деньгами в разных видах валют, кассовым аппаратом, инкассацией...) Но местный бухгалтер убедила меня, что будет помогать, и я согласилась.

Было трудно, было страшно, были ошибки, которые исправить можно было только через пару месяцев, но зато была шикарная зарплата и проценты от продаж! Как же они радовали душу!

Но через какое-то время кандидатуру администратора с профильным образованием и опытом работы в торговле все же нашли, и я обучала ее тонкостям ведения дел.

«А что же я? А что дальше со мной?» —встал вопрос, которого я уже начала бояться: ведь уже привыкла к этой среде, к коллективу, менять что-то не хотелось.

Я знала, что со мной будет этот непростой разговор. Приятно было видеть, что на беседу со мной приехали оба «генерала»: и арт-директор и генеральный.

Разговор строился интересно: «Н.Е., мы видим, что в последнее время Вы как-то потускнели, нет прежнего блеска в глазах, нет интересных идей, мы очень благодарны Вам, что помогли—закрыли позицию администратора в это непростое время, но по всему видно, что это – не Ваше. Вам это трудно и не столь интересно, верно? И мы хотели бы освободить Вас от этого бремени».

До чего изысканная речь... Я наслаждалась, слушая ее, но за красивыми словами благодарности стояла темная туча неизвестности.

У меня все оборвалось внутри, я уже нарисовала жуткую картину моего грустного будущего. Не удержалась и задала вопрос: «А что же будет со мной?»

На что гендиректор радостно и уверенно сообщил: «Ну, это Вы можете даже не переживать: Вы остаетесь в компании, более того, мы забираем Вас в главный офис!» На мой вопрос: «А в качестве кого?» он ответил: «Да там полно работы! Хотя бы наведете порядок в дизайн-студии, как мастерски сделали это здесь».

Итак, из салона детских французских интерьеров на Таганке, я перехожу в главный офис дизайн-студии на Преображенке. А студия эта далеко не простая... в свое время получили право делать проект загородной резиденции Огарево президенту Путину! Разумеется, на тот период студия находилась в режиме строгой секретности и купалась в деньгах, и потом еще несколько лет шли проекты «по рекомендации».

Однако всему приходит конец, так и здесь: постепенно проектов становилось все меньше и пришлось думать о создании какого-то нового направления, которым и стала студия французских детских интерьеров.

Когда меня перевели в главный офис, здесь был период «затухания»: мало заказчиков, мало желающих работать (либо просто откровенные лентяи, не стремящиеся ничего менять в своей жизни; либо отсиживающие свой срок перед новой работой). Упадок в делах, в документах, завалы с каталогами и образцами тканей и материалов...

Особенно потряс меня кабинет арт-директора: все свободное пространство, каждый сантиметр были завалены горами журналов, каталогов, образцов и документов! Это был хаос из шикарных вещей и уникальных творческих изделий, образцов продукции и декора.

Хаос, который не позволял людям здесь долго находиться. Казалось, что вещи здесь размножаются самопроизвольно и вытесняют появление людей.

Когда я спросила арт-директора, насколько комфортно ей тут работать, она сказала, что устала от этого беспорядка, но справиться с ним не может.

Тогда я проявила инициативу и предложила привести все в систему. Она была поражена: неужели это возможно?! Если Вы это сможете – это будет чудом!

И я взялась за этот процесс.

Такого напряжения я никогда не испытывала! Три дня по 8—9 часов я перебирала эти журналы, каталоги, документы и сортировала, вытирала пыль, перекладывала... На второй день

у меня начался аллергический кашель от скопившейся везде многолетней бумажной пыли, и стало подташнивать, но я держалась, поскольку уже был виден силуэт кабинета, начали открываться свободные поверхности.

Когда я закончила и пригласила на «экскурсию» местных «старожилов», они были поражены и восхищены: «Я работаю тут давно, но даже не подозревал, что здесь есть шикарный стеклянный стол с зеркальными опорами!»

«О, а вот это, оказывается, диван – он вечно был завален образцами тканей, и никто из нас не знал, что под ними находится. А кабинет-то, оказывается, имеет свое лицо!»

Арт-директор, увидев результат, восхищенно оценила: «Вы совершили невозможное, для меня Вы как ангел-хранитель». Я вновь почувствовала свою значимость, и даже некоторую незаменимость: ведь до меня никто не отваживался совершить этот «подвиг».

Постепенно я стала своеобразным «центром» всяческих процессов в офисе, поскольку безотказно соглашалась выполнять всякие задания. Мне нравилось решать трудные задачи, разбирать завалы каталогов, структурировать процессы.

Шеф часто со мной советовался по вопросам воспитания детей, сотрудники тоже обращались, я сама вызвалась организовывать корпоративы, писать сценарии и сама стала ведущей. На этом этапе шеф даже одаривал меня такими комплиментами: «Раньше я думал, что вы – просто очередная „игрушка“ Аллы (арт-директора). А теперь я вижу, что Вы – ценный кадр, теперь я Вас себе заберу!»

Особенно хорошо мне удавались занятия на тренингах для региональных дизайнеров – здесь мне позволялось проявлять максимальное творчество! И после моих занятий люди выходили восторженно-окрыленные, шеф даже спрашивал: «Что Вы с ними такое там делаете, что они выходят такие радостные? Надо будет как-то побывать на Ваших занятиях».

Все шло замечательно. Казалось бы.

Попутно с солнечной радостью в душу серым туманом заползали старые состояния: сомнения собирались в клубки страха: а что будет дальше со мной, когда моя миссия будет выполнена, и я «выйду в тираж»? Ведь в коммерческой структуре не терпят балласта. В этой компании было уютно, как в родной семье, и внешний мир начал меня пугать.

И вновь на выручку мне пришла смекалка. Я внимательно изучила организационные процессы и поняла, что пять подразделений компании, расположенные в разных местах, нуждаются в едином обеспечении канцтоварами, хозтоварами, расходными материалами для оргтехники и пр. Также нужно было упорядочить организацию платежей по аренде, телефонной и интернет связи и многим другим процессам. До сих пор все это выполнялось стихийно: поручалось «тому, кто шел мимо».

И я рискнула предложить шефу взять эти процессы в свои руки. При этом я заявила для себя такой же оклад, как для администратора студии! Это было дерзко, и я рисковала, но расчет был верным, и риск оправдал себя. Так в компании спустя почти 10 лет впервые появилась должность офис-менеджера, и я стала первым кандидатом.

Я была рада, что у меня появился официальный статус, запись в трудовой книжке и конкретные обязанности. Я погрузилась в эту работу с одержимостью, достойной лучшего применения. Я выстроила дружественные отношения практически со всеми членами коллектива, к каждому находя свой подход.

Самым большим комплиментом по этому поводу были слова: «Когда ты появилась в нашем офисе и развила бурную деятельность, мы думали, что ты выслуживаешься и тихо ненавидели тебя... и кто бы мог подумать, что пройдет так мало времени, что я не могу без тебя – без твоей улыбки, задорного смеха или дерзкой шутки!»

2008 г. Реутово

У мужа тоже дела шли хорошо, мы продали квартиру в Ногинске и купили в Реутово! Это было огромным семейным достижением – ведь мы подвинулись к Москве максимально близко.

Следуя какой-то неведомой традиции (или какого-то иного замысла), квартира тоже была в ужасно запущенном состоянии, и вновь нам приходилось ее реанимировать, создавать здесь жизнь и уют. В скором времени этого удалось достичь, но вот размещаться двум компьютерам на одной территории было сложно.

Я все больше мечтала о 2-комнатной, и чтобы непременно в Москве, поближе к метро. Мечта была из категории фантастических, если вспомнить о моем возрасте и неустойчивом положении в компании. Но мечтать же никто не мог запретить? И я просто мечтала...

К этому времени работа офис-менеджера начала меня утомлять своим однообразием, ведь я уже создала систему из хаоса, все начало работать автоматически, но уж слишком однообразно.

Я чувствовала, что тупею: у меня перестали появляться интересные идеи или спонтанные желания.

Меня стало посещать желание бросить это все: созданный мной механизм мог уже работать и без моего участия, точнее – с любым другим человеком. В моей душе рос протест, в уме зрело решение...

Ах, какую изящную импровизацию я тогда выстроила: идеально точно рассчитала время наибольшей активности в работе студии и именно в этот момент положила генеральному директору на стол заявление об увольнении!

У студии была точка взлета: проходил очередной курс повышения квалификации для дизайнеров новых крупных салонов в Киеве и Одессе, и мое присутствие в программе было очень нужно.

Увидев заявление, шеф аж подпрыгнул, и побежал к АД с тревогой в голосе: «Она хочет нас покинуть!» Не скрою: это было приятно – видеть: что ты влияешь на состояние таких важных людей.

Руководство немедленно собралось возле меня с вопросами: «Почему? Что случилось? Что ты хочешь, чтобы остаться?»

Ответ у меня был готов заранее: «Я хочу заняться творческой работой: наполнением сайта и рекламой».

Конечно, я четко знала, что сайт уже находится в стадии разработки и копирайтер, и менеджер по рекламе все равно будут нужны, так что – почему бы не представить свою кандидатуру?

А еще я уже провела «тайные переговоры» с нужными людьми, кто имел отношение к данной теме и в случае чего, они точно проголосовали бы за меня.

На всякий случай, я самостоятельно прошла курс повышения квалификации «Копирайтинг в рекламе», благодаря этому теперь имела и московский сертификат, и более четкое представление о современных тенденциях в этом процессе.

Попутно я еще проучилась на годичном курсе «Заочная школа журналистики» —потренировала свое «перо». Так что я была вполне подготовлена к презентации своей программы по копирайтингу и рекламе.

О, как грамотно я провела эту презентацию! Как в настоящих тренинговых центрах— папки с моей программой по продвижению сайта – для каждого члена заседания, масштабная схема загруженности менеджера по рекламе – на большом листе на флипчарте. А потом я озвучивала свою презентацию, получив одобрение и участников, и руководства.

Вот так я стала копирайтером и менеджером по рекламе все в той же компании. Это была очередная ступень моей карьерной лестнице.

Мой новый карьерный этап сначала был интересным: я писала статьи для новенького сайта компании, я занималась переговорами с редакциями интерьерных и детских журналов на предмет размещения рекламы, потом к этому присоединилась наружная реклама и реклама на автомашинах компании, различные праздничные открытки, участие в организации выставок и мероприятий.

Забавно, что ситуацию с моим увольнением шеф умудрился использовать себе на пользу.

В это время он получал второе высшее образование для руководителей компаний, и я стала примером его «мудрого» управленческого решения: когда ценному специалисту (я), собиравшемуся покинуть компанию, он нашел адекватное применение, благодаря чему был сохранен кадровый потенциал!

Разумеется, приятно узнать, что тебя считают не просто винтиком в системе, а ценностью, которую стоит сохранить.

И еще одно приятное воспоминание: шеф, наконец, захотел поприсутствовать на моем занятии во время семинара для региональных дизайнеров, он остался в таком восторге, что когда мы пошли после занятий в метро, прощаясь, кричал, не стесняясь людей: «Ты—супер! Пять с плюсом тебе!»

Но...

Никто не обещал, что это будет вечно. Жизнь вносила свои коррективы, вот и мои обязанности начали превышать мыслимые объемы, и тогда я решила окончательно покинуть компанию.

На тот момент я была в предвкушении того, что займусь собственным сайтом, чтобы перейти в интернет-бизнес. Но этот процесс шел с большим трудом, я искала новые связи, размещала свои статьи в интерьерных журналах, выступала на мероприятиях для дизайнеров.

Шел накопительный этап.

2010 год принес серию очень важных событий:

1 событие: в январе у старшей внучки Насти подошла очередь операции на сердце (в 12 лет обнаружили порок сердца, который создавал риск жизни), еще 2 года ушло на то, чтобы благотворительный фонд насобирал денег, и всякие бумаги оформляли.

В этот же срок (практически день в день!) дочь Марина должна была родить долгожданного ребенка во втором браке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.